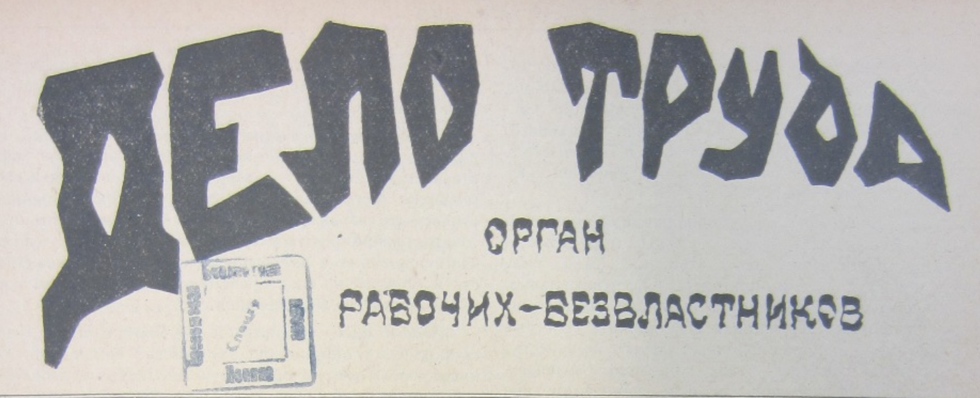

№ 6

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

НОЯБРЬ 1925

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Конференция европейских правительств в Локарно закончилась принятием целого ряда договоров и конвенций, долженствующих гарантировать мир между всеми почти державами Европы. Капиталистическая пресса всех стран восторженно приветствует достигнутое соглашение, называя его величайшим политическим событием после войны 1914-1918 г., началом новой эры. Вздох облегчения и радости прошел в буржуазном мире.

И действительно, есть чему радоваться. Со времени русской революции европейская буржуазия жила, как на вулкане, метаясь из стороны в сторону и ища выхода из безвыходного положения. Годы 1918-1919 были наиболее критическими для капиталистической Европы. Раскаты русской революции сорвали с нее маску общечеловечности. Пробудившийся мир труда увидел ее настоящее лицо,— лицо хищника, жадного эксплуататора и убийцы народных масс. Голоса и знамена революции стали возвышаться повсеместно. Казалось, вот-вот набежит общая революционная волна и накроет собою всю Европу. Растерянность и упадок духа царили среди буржуазии. Даже присяжные певцы ее начали говорить о «сумерках» и последних днях Европы.

Одновременно с этим капиталистические правительства запутались в своей собственной шерсти,— в политике военных грабежей народов. С одной стороны, послевоенная хозяйственная разруха и послевоенный «мир», когда страны победительницы держали побежденных за горло и грабили их, продолжали поддерживать и углублять революционную ситуацию. С другой стороны, революционная ситуация, поддерживаемая незаконченными военными спорами, одинаково угрожала катастрофой, как «победителям», так и «побежденным». Образовался круг, из которого, казалось, не было выхода и двигаясь по которому, капиталистические государства стремительно мчались к гибели.

Необходимо было найти тот или иной выход из круга, чтобы спастись. Классовый инстинкт буржуазии подсказал ей выход в замирении враждующих сторон и в об,единении в один общий союз всех капиталистических государств. Идея такого об,едиьения нашла свое выражение в Лиге Наций. Постепенно, от года к году идея эта осуществлялась и наконец завершилась принятием в Локарно гарантийного договора между крупнейшими капиталистическими державами Европы.

Капиталистический мир имеет все данные ликовать и праздновать свое укрепление. Сколь велико для него значение достигнутого соглашения видно, хотя бы, из следующих слов одного из руководителей английских либералов — Грея: «Если бы конференция не дала результатов, это было бы катастрофой для Европы». Само собой понятно, что под Европой в данном случае разумеется капиталистическая система Европы.

Каковы планы буржуазии в деле ее международного об,единения.?

Они сводятся к двум основным расчетам. Прежде всего необходимо достигнуть известного хозяйственного соглашения. Политическое и военное соглашение в Локарно расчищают этому путь. Заправилы капитализма по своему народ не глупый и отлично видят корень неустойчивости своего положения в расшатанности хозяйственного организма Европы. Усилия, следовательно, будут направлены в эту сторону. Причем укрепление капиталистического хозяйства пойдет путем усиленной эксплуатации рабочего класса, а также путем предоставления кредитов разоренным странам.

Укрепление капиталистического хозяйства устранит, по мнению буржуазии, революционные брожения среди рабочего класса, облегчит дальнейшую стабилизацию капиталистического строя.

Второй расчет буржуазии состоит в том, что, опираясь на созданный ею союз милитаристских государств (Лигу Наций), она легко будет справляться с революционными движениями, как в каждой отдельной стране, так и в случае общеевропейской революции.

Было бы непростительным легкомыслием хоть на минуту допустить мысль, что руководители капитализма, низвргнутые, было, в пропасть революционными движениями, преисполненные к ним жгучей ненависти, что они в борьбе с революциями не воспользуются столь богатым, ими же самими созданными орудием, как союз милитаристских государств.

Мы видим, таким образом, что капитализм не только не соглашается умереть,— он, наоборот, стремится к полному восстановлению своих упавших, было, сил. Он идет в наступление и принимает ряд решительных мер к утверждению своей воли. Удастся ли ему преодолеть революционные движения и восстановить свое былое положение,— покажет будущее. Но его живучесть, воля к жизни и к победе — теперь на лицо. Он располагает огромной физической силой — капиталом, армией, кадрами ученых. Сейчас эта сила и воля, ею управляющая, приводятся к согласованности и единству. И было бы преступлением с точки зрения интересов мирового революционного движения не учитывать и недооценивать всего этого.

Откуда же упавший, было, обреченный на исчезновение капитализм почерпнул силы для своего под,ема?

Сторонники марксистского понимания истории на поставленный вопрос возразят тем, что никакого, де, под,ема нет, а есть лишь конвульсии капитализма, маленькая отсрочка его гибели, которая неминуемо должна придти в силу внутренних противоречий капиталистического общества.

Однако, борющийся рабочий класс не может удовлетвориться подобным возражением. Совершенно верно, капиталистическое общество полно внутренних противоречий (всеобщая конкуренция, борьба за рынки сбыта и т.д.), приводящих его к периодическим войнам и социальным катаклизмам. Но это еще не значит, что наличность подобных противоречий неминуемо приведет капитализм к гибели. Самое большое противоречие капиталистического общества то, что оно отымает у трудовых масс их труд и передает его горсти бездельников. Несмотря на это, оно, как система эксплуатации и обирания народа, существует тысячелетия, развивается, меняет свою форму и намерено жить еще тысячелетия.

Не в противоречиях, вернее *не только в противоречиях* капиталистического общества лежит залог победы над ним, но в такой же степени в организации борьбы против этого общества. Борьба труда с капиталом не есть слепое отражение слепого хозяйственного процесса, неминуемо ведущего к победе труда. Нет, это в полном смысле слова *человеческая борьба*, могущая дать победу и одной и другой стороне и требующая от обоих сторон точного знания своих целей, энергии, силы воли и определенной классовой стратегии.

С этой именно точки зрения мы и должны рассмотреть отмеченный нами под,ем капитализма.

Русская революция, подав сигнал всеобщего социального переворота и одержав полную победу над капиталистическим строем в России, тем самым стала авангардом мирового революционного движения трудящихся. От нее поэтому ждали примера социалистического строительства и социалистической свободы трудящихся, а также руководящих шагов в деле развития мировой революции.

Ни того, ни другого русская революция не дала. И не дала не потому, что неспособна была на такое творчество и такую свободу — наоборот, с первых дней своего развития она выдвинула органы подлинного социалистического строительства в лице рабоче-крестьянских советов, фабрично-заводских комитетов и т.д.,—а потому, что сущность ее и лик были искажены захватившей власть и ставшей во главе революции политической партией коммунистов-большевиков.

Заменив идею социальной революции идеей советской власти и опираясь на эту власть, большевики установили абсолютную партийную диктатуру в революции. Все области жизни были подчинены их центру. Творческая работа масс и их органов революционной самодеятельности и революционного самоуправления была заменена работой государственной машины. Вместо социалистического строительства был введен государственный капитализм, замененный в скорости нэпом, — сожительством государственного и частного капиталов. Вместо революционного сотрудничества города с деревней,— лишение крестьян элементарных политических прав и вооруженные походы на деревню. Вместо социалистической свободы трудящихся — милитаризация труда и система политических репрессий в отношении всех революционных течений некоммунистического исповедания. Началась полоса гражданской войны слева, погубившая тысячи лучших борцов рабочего класса.

Так, с разорванным нутром и искаженным ликом двигалась русская революция в чрезвычайно тяжелой международной обстановке, где враждебные силы капитализма сгрудились, чтобы приостановить ее дальнейшее развитие и распространение.

Отголосок этой трагедии не мог не отразиться самым удручающим и дезорганизующим образом на настроении и революционной сплоченности западно-европейского и американского пролетариата.

— Авангард социальной революции или простые захватчики власти?— вопрос этот неизменно встает перед наиболее революционными рабочими Европы и Америки всякий раз, когда они знакомятся с практикой коммунистической диктатуры в России.

Отсюда — ослабление международного революционного фронта. Отсюда, отчасти, задержка революции в Германии, Франции и неуспех ее в других странах. Отсюда же, наконец, и последний успех международного капитала, воспользовавшегося медлительностью революционных сил и торопящегося взять инициативу борьбы и наступления в свои руки.

Казалось бы, губительный опыт прошлого должен бы научить большевиков тому, что диктатура в отношении трудящихся приносит лишь огромное зло революции и делу освобождения труда. Признавая диктатуру, как средство лишения буржуазии власти и социальных привиллегий, рабочий класс никогда не признает ее, как систему управления его жизнью, его правами и его мнениями.

Однако, восемь лет власти и управления государственной машиной до такой степени ослепили их и сузили кругозор, что вне своего центра они не видят никаких революционных перспектив. Они не желают даже помнить о том, что в подготовке русской революции их деятельность сыграла значительно меньшую роль, чем деятельность некоторых других партий, и что русская революция блестяще удалась с самого начала только потому, что в ней были проявлены все подлинно революционные и не воевавшие между собой силы рабочих и крестьян.

С упорством маниаков они продолжают всю жизнь сводить к своему центру, не замечая, что центр этот оторвался от жизни еще в тот момент, когда они прибегли к насильственному руководству массами. Он — центр этот — давно блуждает в области своей центровой политики, слеп ко всему, что живет в мире труда помимо его, и механически командует массами, не справляясь с их мнениями и не спрашивая их согласия. Вступив вместе с тем в соглашение и сотрудничество с местным и международным капиталом, он давно пошел по пути перерождения в орган типичной буржуазной власти, создавая тем самым совершенно новую опасность для дела развития мировой социальной революции.

Соглашение капиталистических держав в Локарно является предостережением всему рабочему классу. Чтобы не оказаться раздавленными наступающим капиталом, трудящиеся теперь же должны принять меры защиты свего положения и принципов революции. Дух партийного антагонизма, раз,едающий революционные силы трудящихся, должен быть решительно изгнан. Его место должен занять принцип революционной солидарности и революционного единства пролетариата. Лишь проведение этого принципа даст силы трудящимся противостоять наступлению капитала и осуществить идеалы свободного равенственного общества. И в этом отношении международной пролетариат наибольшие требования должен пред,явить компартиям и их основному штабу, находящемуся в Кремле. Ибо практика этого «штаба», прибегающего к жестоким гонениям на революционную мысль и на революционеров, не согласных с его государственнической доктриной, является главным рассадником губительного антагонизма в революционных рядах пролетариата.

П. Аршинов.

К ВОПРОСУ О „ПЕРЕСМОТРЕ“

Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным.

(*из старых мыслей*)

У нас идет по всей линии пересмотр наших взглядов, «переоценка ценностей». Это — стремление совершенно естественное, даже необходимое: наше миросозерцание — не застывший догмат, оно должно развиваться и видоизменяться по мере того, как идет жизнь, и нам приходится считаться с ее уроками. А русская революция — такое крупное историческое событие, и опыт дает так много, что было бы совершенно невозможным ничего не извлечь из этого опыта и остаться при простом повторении того, что говорилось десять лет тому назад.

И прежде всего является вопрос: подтверждает или опровергает опыт русской революции наши основные положения? Мы — анархисты не потому — или не только потому—, что анархический идеал кажется нам привлекательным, а потому, что считаем, что именно на этом пути человечество может наиболее успешно двигаться к свободному и равному общежитию; для нас, анархический строй — не нечто, существующее только в отвлеченной мысли, а реальная общественная форма, реальная цель общественной деятельности. Потому-то факты действительности и имеют для нас огромную важность.

Если бы опыт русской революции показал, что государственное строительство, централизация и диктатура успешно проводят в жизнь экономическое равенство, обеспечивают всем свободное культурное развитие и дают личности возможность развернуть свои духовные силы, мы, не задумываясь, признали бы свою ошибку и протянули бы руку государственным социалистам для совместной работы. Точно также, если бы в ходе русской революции анархическая деятельность развернулась настолько широко, что был бы сделан опыт положительного строительства анархическими методами свободного соглашения и организации снизу вверх, и если бы этот опыт показал непригодность такого пути, мы признали бы это и стали искать иных путей, иных программ.

Но теперь? Ни того, ни другого у нас нет. Анархистам нигде не удалось развернуть свою строительную работу, а государственные методы строительства потерпели банкротство, которого оспаривать не может уже никто. «Военный коммунизм», или, как вернее назвал Ленин, «государственный капитализм» должен был пойти на все уступки буржуазии, потому что не захотел принять методы социализма свободного.

При таких условиях, основные положения нашего миросозерцания не только не оказываются несостоятельными перед лицом событий, но черпают из них новую силу. И при нашей переоценке, при нашем пересмотре, эти положения остаются вне вопроса. А вместе с ними — и все то, что неразрывно с ними связано, из них вытекает и оторванным от них быть не может. «Пересмотр» может иметь только одну задачу: исходя из этих основных принципов, сделать *новые* выводы в связи с событиями, освятить *новые* явления, найти ответы на *новые* вопросы, разработать на основании опыта практические *программы*, которые раньше не могли быть даже намечены. Мы теперь — ближе к реальным достижениям, чем были раньше, и это обязывает.

И однако в нашей среде создалось своеобразное настроение. Некоторые товарищи особенно останавлива-

ются на том, что революция — дело тяжелое, трудное, длительное, требующее жертв, связанное с войною, голодом и всякими бедствиями. Они видели это в прошлом, предвидят и в будущем, и вывод делают довольно неожиданный: о несостоятельности наших программных взглядов! Как будто бы они, эти взгляды, были виновниками всего пережитаго в России! Казалось бы, чем труднее предстоит дело, тем крепче нужно держаться путей, которые признаешь верными, тем больше нужно быть во всеоружии; между тем, некоторые товарищи, исходя из будущих трудностей, начинают такой «пересмотр» анархизма, который отнимает у него всякую силу бороться с этими грядущими опасностями и сводит на нет его историческую роль.

Ведь одно из двух: или человек считает, что анархизм стоит, в вопросах строительства, на верном пути и лучше других способен бороться с враждебными силами; или он считает, что анархизм для этого не пригоден, но тогда по какому праву продолжать называть себя анархистом?

Два вопроса особенно выдвигаются в этих дискуссиях на первый план: вопрос о классах и вопрос о переходном периоде.

Как относится анархизм к классовой борьбе? В такой общей форме, вопрос подает повод к массе недоразумений, особенно в виду царящей марксистской терминологии.

Борьба классов, с одной стороны — факт, с другой — предмет для теоретических соображений. Как факт, ее отрицают только те, кто не видит или не хочет видеть противуположности интересов труда и капитала: буржуа и те рабочие, которые еще до сих пор не перестали смотреть на хозяина, как на своего дблагодетеля. Нет такого социалиста, который не признавал бы факта борьбы классов и не считал бы эту борьбу необходимою. Нет, следовательно, и такого анархиста.

Но если от этого обще-социалистическаго, элементарного понятия мы пойдем дальше, то окажется, что не все социалисты смотрят одинаково на то, *как* именно происходит группировка классов и между *которыми* из них логически должна идти борьба. В России, ранний социализм Чернышевскаго и народников боролся главным образом за трудовую крестьянскую массу, против эксплуатировавших ее помещиков, кулаков и государства. Позднее, русская социаль-демократия поставила своею задачею исключительно борьбу недавно народившегося городского пролетариата с буржуазиею, отбросив в сторону крестьянство и об,явив его мелко-буржуазною стихиею — вопреки, кстати сказать, самому Марксу, который оказался в этом вопросе гораздо ближе к народникам *). В других странах, одни социалисты стремились опираться не только на пролетариев, но и на мелких собственников: крестьян, самостоятельных ремесленников и проч.; другие отвергали всех, кроме наемных рабочих. Одни включали в пролетариат и трудовую интеллигенцию; другие неумолимо относили ее к буржуазии, и т. д. Одним словом, вопрос о том, с какими именно классами, помимо пролетариата, может иметь дело социализм, оставался и остается открытым. Да нечего и искать далеких примеров: стоит посмотреть на ежедневные колебания большевиков в вопросе о том, на кого им следует опираться.

Какое положение занимают в этих спорах анархисты? Между анархистами и марксистами здесь всегда было коренное различие. Анархисты выдвигают на первый план для определения того, за какие общественные классы и категории они борятся, вопрос о том, кто в данном обществе является угнетенным, эксплуатируемым? Освобождение рабочего класса, как класса, для них имеет значение *первого условия общечеловеческого освобождения*. Для марксиста же класс, с которым он связывает свою судьбу, определяется по чисто экономическому признаку: это — тот класс, который в распределении общественного продукта получает на свою долю заработную плату, т.е. пролетариат. А защищает марксист интересы этого класса потому, что убежден, что пришло время ему сменить буржуазию. У Маркса, правда, высказывается мысль, что победа пролетариата знаменует собою уничтожение всех классов, но у практических марксистов это соображение как то отходит на задний план и, вместо общечеловеческого освобождения, у них получается смена одного класса другим.

Глубоко ошибаются те из наших товарищей, которые хотят затушевать нашу *общечеловеческую* точку зрения, якобы в интересах *революции*. Если бы между интересами *революции* и интересами *человечества* было противоречие, это означало бы, что революция не нужна, вредна — и мы не были бы революционерами. Точно также, если бы между интересами пролетариата и интересами *человеческой личности* было противоречие (как есть оно между интересами личности и интересами капиталистического класса), то мы бы не были защитниками рабочего класса. Но суть-то в том, что в каждую историческую эпоху угнетенная часть общества, стремящаяся к своему освобождению, была и носительницею *общечеловеческих* идеалов, потому что она пробивала дорогу к лучшему будущему и увеличивала сумму свободы в человечестве. Вот почему, если нам когда-нибудь укажут, как на служащий интересам пролетариата, на метод борьбы вредный вообще для человеческой личности, мы сможем смело сказать, что это — ошибка и что предлагаемая тактика в первую голову будет вредна самому пролетариату. Так произошло с «диктатурою пролетариата». Группа лиц, действующая от имени рабочего класса, узаконивает экономическое неравенство, создает политически-привиллегированный общественный слой, подавляет общественную инициативу, уничтожает свободу мысли и т. д. Этим рабочий класс лишается всякой самодеятельности, всякой возможности пользоваться плодами своей революции для своего общественного и духовного развития и самому строить себе новую жизнь.

Да и что такое классовой вопрос «на второй день» революции? Казалось бы, о нем даже говорить не приходится: если классы еще не уничтожены, значит революция не достигла цели и «второй день» не пришел. Если же он пришел, то все заботы этого порядка сводятся

*) Относительно положения, занятого Марксом в этом спорном вопросе см. крайне интересную заметку Зензинова «Пропавшая грамота», в «Современных Записках», No 24.

к тому, чтобы не допускать, чтобы общественные категории просто поменялись местами: вчерашние бедняки стали богачами, и наоборот. *Такого* результата нетрудно достигнуть, но цена ему — нуль. Он может удовлетворять одну минуту чувство мести, но общественного значения не имеет. Наоборот, необходимо приложить все усилия к тому, чтобы день победы революции положил конец всяким привиллегированным категориям. В самом основном, в вопросах материальных потребностей, средство против этого — *наш коммунизм*. Среди товарищей теперь встречается несколько пренебрежительное отношение к нашему принципу «каждому по потребностям», как будто бы предполагающему несметные богатства. Нет, как бы не было бедно общество, у него всегда есть возможность распределить справедливо то немногое, что имеется, а «справедливо», это значит — *в соответствии с нуждами*. Всякое другое мерило в распределении создает острые столкновения, вражду, и еще больше усложнит и без того трудное положение, подорвав *необходимую* в тяжелые минуты общественную солидарность. Новое вино не нужно вливать в старые меха, и в основу новой жизни должен быть положен и новый принцип. Тогда только найдутся и силы, и энтузиазм, способные справиться с препятствиями; механическим насилием здесь ничего сделать нельзя.

Рядом с экономическими привиллегиями стоят политические. Анархисты, по самому существу своему,— «политики»: вопрос о государстве стоит у них на одном плане с вопросом об экономическом переустройстве. А вопрос о государстве — не классовой: государство связано с тем или иным классом постолько, посколько оно защищает его интересы; но оно может защищать интересы и привиллегии и не класса, а сословия (дворянского в сословном строе, духовного — в теократическом), национальности, даже — одной правящей партии. И борьба с государством, как учреждением *вообще*, а не с данною формою его, не имеет характера классовой защиты. Точно также, целый комплекс нравственныхъ понятий, входящих в анархизм, не умещается в классовые рамки. Анархизм — учение классовое посскольку классовая борьба входит во всякую форму социализма; но он прибавляет к ней и многое другое, не менее ценное.

В революционный момент анархистам приходится в этой, политической, области бороться главным образом с возникновением именно *не классовой* государственной власти: власти социаль-демократической (большевистской или меньшевистской — все равно) *партии*, стремлящейся царить над обществом, где все — наемники на службе у государства и все равны в своей зависимости от него. Против такой диктатуры анархисты восстают не во имя классовых интересов, а во имя попранных прав человеческой личности. Но их задача не исчерпывается, конечно, оппозициею такой государственной власти: их дело — отстаивать и проводить в жизнь переход всех государственных функций в руки добровольных общественных организаций. Государство будет действительно разрушено только тогда, когда все его общественно-полезные функции будут у него отняты; оно отпадет за ненужностью, потому что никто не встанет на его защиту, если у него останется одна полицейская роль. Первый шаг на этом пути, это — синдикализм, т.е. переход в руки рабочих союзов и фабрично-заводских комитетов всех промышленных предприятий, транспорта и т. д. Затем идет организация распределения — кооперативами или другими, к этому пригодными группировками; разрешение жилищнаго вопроса комитетами, избранными всеми жителями города и т. д. — словом, создание ряда организаций, со строго специализированными полномочиями, из которых ни одна не выходит за пределы этих полномочий. Анархистам придется заботиться о создании таких организаций для всех областей жизни, а затем и работать в них, каждому по своему умению и своим способностям. Это, правда,— работа не партийная, но не нужно забывать, что от ее успешности, от того, окажутся ли новые свободные учреждения на высоте своей задачи, будет зависеть судьба самой революции.

Еще два слова в связи с вопросом о власти. Среди русских товарищей замечается одно, совершенно новое в нашем движении, настроение: это — спокойное, больше того — примирительное отношение к стеснению свободы — свободы мысли, мнений, группировок. Во имя борьбы с контр-революцией начинают допускать, что и «мы» должны были бы употребить силу власти для уничтожения противника. И речь идет не о вооруженном враге, против котораго необходимо защищаться, а о враге, борящемся идейно: словом, печатью, партийною деятельностью. Основная анархическая истина — что силою можно бороться только против угнетающей силы, что мысль и мирная деятельность не могут подлежать никакому стеснению, отбрасывается во имя «практичности»— как будто бы русский опыт не показал тысячу раз, к каким блистательным результатам приводят методы этой пресловутой практичности! Распространяться об этом — не стоит: это значило бы повторять элементарные истины, которые каждый анархист найдет в любой брошюрке нашей литературы.

Второй вопрос, который занимает важное место в нашем «пересмотре», это — вопрос о т. наз. «переходном периоде». С ним связывается очень многое, больше даже, чем это понятие само по себе предполагает. К нему мы теперь и перейдем.

(Окончание следует). *М. Корн.*

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛОКАРНО

Вся капиталистическая пресса восхищена результатами конференции в Локарно. Гимны поют миролюбию всех делегаций. Поборники «мира» Штреземан и Бриан именуются чуть ли не как кандидаты на Нобелевскую премию мира.

Можно себе задать вопрос: Действительно ли гуманные чувства взяли верх над империалистическими стремлениями буржуазии отдельных стран. Действительно ли те, кто вчера только посылали миллионы людей на смерть для концессии или для расширения своего рынка,

вдруг стали настолько человеколюбивыми, что больше не желают пролития человеческой крови для каких бы то ни было своих классовых интересов?

Такое предположение ошибочно. Мы знаем из практики, что капитал и государство ни в коем случае не считаются даже с миллионами человеческих жизней, если дело идет об их шкурных интересах. О каком бы то ни было человеколюбии здесь и речи быть не может.

Причина этого пресловутого человеколюбия совершенно другая. Европейская война потрясла все европейские державы. Побежденные и победители в одинаковой мере ослаблены. Никакая страна в Европе не в состоянии теперь вести продолжительной войны. Такая война довела бы их теперь до полнейшего финансового краха и экономического разорения. В таком случае казалось бы совершенно лишни всякие гарантии и договоры. В ближайшие годы казалось бы войны и так не должно быть, ибо никакое государство не желает обанкротиться и потерять свою и так довольно сомнительную экономическую независимость.

Но есть еще одна причина, если не самая важная, то по крайней мере одна их самых важных, склонившая капиталистические державы испытать все возможные средства для того, чтобы гарантировать на относительно продолжительное время мирные отношения между собой. Причина эта может быть больше других лежит в плоскости шкурнических интересов капитализма, ибо она затрагивает основной и первой важности для него вопрос. Вопрос его жизни или смерти.

Капиталтистические правительства знают, что в будущем сепаратные войны только между двумя держа вами невозможны. Интересы отдельных дрежав и всевозможные комбинации слишком тесно для этого меж ду собой связаны. Для них ясно, что всякая будущая война раздует пламя если не мировой, то по крайней мере европейской войны. Европейская же война создает базу для сильных социальных столкновений между миром труда и капиталом. Мы скажем больше. Европейская война есть чуть ли не единственный исторический момент, где социальная революция может выступить в международном масштабе. Война 1914-1918 тесно связана с русской, с германской и с венгерской революциями. Притом же не нужно забывать, что в сравнении с бывшей европейской войной теперь положение изменилось. Теперь идет интенсивная агитация в мировом масштабе со стороны анархистов и анархо-синдикалистов, призывающая массы к революционному антимилитаризму.

Трудящиеся массы теперь эту агитацию воспринимают живее, чем когда либо. Они слишком научены горьким опытом войны. Они больше на войну не пойдут. Сигнал европейской войны станет для масс сигналом защиты своих антимилитаристских лозунгов, сигналом социального переворота. Международная буржуазия ясно учитывает, что будущая международная война угрожает ей международным социальным переворотом. И поэтому, хотя война является для буржуазии отдельных стран добром, она все же старается ее предотвратить для спасения своего голого существования, для спасения капитализма в том или другом его виде.

Но из этого не следует делать ошибочный вывод, что мы, полагая что будущая европейская война поведет к социальным катаклизмам, являемся сторонниками войны. Ни в коем случае. Это было бы недопустимо и преступно. Ибо недопустимо и преступно желать даже соц. переворота, жертвуя сознательно для этого смертью, изувечением и уродством миллионов людей, употребляя для этого такое варварское со всех точек зрения средство, как война. Мы делаем все возможное, чтобы будущему военному фронту капитала противопоставить революционно-антимилитаристский фронт труда.

Но с другой стороны не следует питаться иллюзиями, что Локарнский договор предотвратит войну. Будущая европейская и при известных обстоятельствах даже мировая война не предотвращена. Война вытекает из сущности самого капитализма. Империализм его неот,-емлемое качество. Капитализм стремится к экспансии, т.е. к расширению. Без борьбы за мировые рынки сбыта он задохнется. Внутренние конфликты, финансовые крахи и безработица толкают его к социальному перевороту и гибели.

Но никто не желает погибать добровольной смертью. И поэтому международный капитализм делает все возможное, чтобы избежать в настоящем войны и предотвратить социальный переворот.

Какую роль играет дорговор в Локарно? Это просто на просто отсрочка войны на известное время. Притом договор этот действительно обязывает только маленькие страны, как Польша и Чехословакия. Для больших же держав это просто клочек бумаги. Англия, например, может в любой момент безнаказанно его порвать. Тем об,-ясняется и то, что за плечами Лиги Наций тайно или явно идут усиленные вооружения всех без исключения держав.

Как бы то ни было, договор в Локарно не должен ни в коем случае повлиять на ослабление антимилитаристской пропаганды среди широких трудовых масс.

Я. Валецкий.

НАША ОРГАНИЗАЦИЯ

Время, какое сейчас переживает трудяшийся класс мира, требует от революционных анархистов максимального напряжения мысли и энергии в деле освещения стоящих пред массами волнующих их вопросов.

Это требование каждый из товарищей должен сознавать, задумываться над ним и прийти к тому выводу, что во время схватывать и освещать перед массами волнующие их вопросы анархисты смогут только общими организованными силами своего движения.

Наши товарищи, игравшие активную роль в Русской Революции и оставшиеся на своих анархических позициях, знают, как пагубно отразилось на анархическом

движении отсутствие у него прочной организации. Эти товарищи могут сыграть в деле об,единения особо полезную роль. От взора этих товарищей,— я полагаю, не ускользнуло то, что анархизм в России и на Украине среди трудящихся масс, творивших Революции, был великим бунтарем. Он всюду вел их на борьбу; но отсутствие своей организации, способной противоставлять свои живые силы врагам Революцию, сделало его безпомощным организатором.

От этого дело анархизма в Революции только страдало.

Сознавая все это, русские и украинские анархисты не должны допустить, чтобы оно страдало и в будущем. Они имеют слишком тяжелый урок прошлого и, пользуясь им, должны первые дать пример сплочения своих сил, создать свою анархическую организацию, которая могла бы отвечать задачам анархизма не только в работе по подготовлению Социальной Революции, но и в первые ее дни. Такая организация должна об,единить все революционные силы анархизма и без колебания заняться подготовкой масс к социальной революции и борьбе за анархическое общество.

К сожалению, далеко не все среди нас стремятся к действительной организации наших сил, без которой немыслима плодотворная работа в массах: многие из нас отчетливо сознают необходимость такой организованности, но немногие с серьезной настойчивостью берутся за нее.

А между тем события назревают во всех странах Европы, не обходя и опутанную царствующими путами панбольшевизма Россию.

Не далек тот час, когда нам снова придется быть активными участниками этих событий. И если мы войдем в них, не сорганизовав определенным образом своих сил, мы окажемся опять безпомощными предотвратить поворот этих событий в омут государственнических систем.

Сплоченность всех активных анархистов в один серьезный действующий коллектив очевидна для каждого из нас. Вряд ли найдутся противники этой сплоченности.

Вопрос заключается лишь в том, какая организационная форма наиболее приемлема для анархического об,единения.

Я лично полагаю наиболее приемлемой и для дела анархизма необходимой организационной формой это *Союз анархистов, построенный на принципе общей дисциплины и общего руководства всеми анархическими силами*.

Все организации, входящие в этот общий союз, являются связанными между собою не только общностью социально-революционных целей, но и общностью средств, ведущих к достижению целей.

Деятельность местных организаций может приспособляться в необходимой степени к местным условиям, но она неуклонно должна сочетаться с направлением деятельности всей организации страны, т.е. всего Союза анархистов.

Будет ли этот Союз анархистов называться партией анархистов или как либо иначе,— это не важно. Важно чтобы он осуществил *концентрацию всех анархических сил и единство их действия против врага, за права трудящихся, за соц. революцию, за анархическое общество.*

Н. Махно.

ВОЙНА

Если бы люди могли оглянуться на весь пройденный ими долгий исторический путь; если бы они могли на минуту отвлечься от заедающих их мелочей повседневной жизни и, заглянув в недалекое *прошлое*, сравнить его с *настоящим*,— то они убедились бы, что, несмотря на весь громадный историческій опыт, вынесенный человечеством из его долговековой борьбы за свое освобождение, несмотря на весь ужас разорительных войн и дикого взаимоистребления людей,— что мир совсем не ушел вперед от своего кровавого прошлого. Теперь, как и прежде, человечество стоит пред зияющей пропастью, без выхода из того заколдованного круга, по которому уж веками и тысячелетиями — ведут его поводыри. Печальный лик у нашего *настоящего*. Позади остались *18.000.000* человеч. жертв; десятки миллионовъ искалеченных, изуродованных и разоренных людей; разрушенные города и сравненные с землей деревни; впереди — все возможности новой войны; — а оно — настоящее — дает себя убаюкивать мягко-стелющим «вождям» и «наставникам».

Эти последние продолжают вести свои народы, по старым, истоптанным, тысячу раз уж пройденным путям. Пред расслабленным людским воображением они рисуют чарующие картины того дивного, светлого будущего, которое они — и только они — могут приблизить... Но картина *современного* мирового хаоса разрушает без остатка — все их иллюзорные построения. Стоит нам только бросить взгляд на окружающее, чтобы усомниться как в искренности «вождей», так и в близости предсказываемого ими избавления.. Беда, однако, заключается в том, что широкие трудовые массы таких взглядов не бросают. А между тем, чтобы предотвратить возможность повторения кровавых империалистических войн, именно им — этим угнетенным, забитым, бесправным и обездоленным массам народным — следовало бы прежде всего знать истину о положении. Именно они — а не кто-нибудь другой — могли бы успешно разрешить волнующий вопрос о войне и мире, положив конец милитаристским вожделениям своих правительств.

Пред угнетенными человеческими массами сама жизнь сейчас поставила вопрос ребром: или они найдут новые, самостоятельные — без опекунской помощи — пути к миру и освобождению, или же они останутся и впредь

все такими же «покорными массами» да пушечным мясом в руках своих поработителей.

Почти на каждом шагу мы сталкиваемся с крупными противоречивыми явлениями и неурядицами, с которыми современный государственно-капиталистичский строй по самой сущности своей, справиться не может. Но нет, быть может, более чудовищного противоречия, чем война. Все мы теперь знаем ее не по учебнику истории, а по собственному опыту, перенеся на себе все тяжести и ужасы последней европейской войны. И тем не менее... ее — войну эту — как бы начинают забывать. Всего только семь лет прошло с тех пор, как миллионные массы прекратили бессмысленное истребление друг друга на полях сражения, а уже милитаристские тенденции снова проникают и укрепляются в решающих мировых сферах.

Еще остро чувствуются последствия этой международной войны, а уже грубо-шовинистический национализм воинственно утверждает свое влияние на аванпостах мировой политики. Всеобщая экономическая разруха, частые промышленные кризисы, таможенные войны, ухудшение условий труда, безработица, голод, волны беженства и эмиграции,— эта общая, почти для всех стран, картина послевоенного быта, которая в состоянии была бы, кажется, охладить пыл самых задорных забияк, оказывается, ничуть не уменьшает той силы и настойчивости, с какою внедряются и культивируются в душах и мозгах молодого поколения воинственный дух, патриотизм и т.п. перлы буржуазной нравственности.

Различные спортивные и туристические организации, — насчитывающие в себе сотни тысяч здоровых молодых людей и все время численно развивающиеся благодаря субсидиям правительств и «родолюбивых» граждан,— глубоко пропитаны духом национально-патриотических «идей» в большинстве случаев и об,ясняющих смысл и существование этих организаций.

«Фашизм», «ку-клукс-кленизм», «расизм», «роялизм» и всякие другие «измы» на разные лады поют одну и ту же песнь:— «Нация, Отечество, Армия ... Армия, Отечество, Нация ..» И в то же время, в недоступных для простого смертного светских салонах и правительственных кабинетах, полным ходом ведутся хитрые дипломтические интриги, плетутся новые политические сети затеваются новые авантюры, войны и катастрофы. Но и это еще не все. Наряду с подготовительными операциями на дипломатическом фронте происходит также и усердная, систематическая, действенная подготовка к войне путем вооружения и реорганизации армий по последнему слову науки и техники. Ничем иным нельзя об,яснить те сообщения, которые, почти ежедневно, приносят нам газеты о вооружениях, маневрах и т.п. явлениях из области военной жизни различных государств... В Америке строятся новые военные корабли, подводные лодки, аэропланы и цеппелины и ведется энергичная пропаганда об усилении армии новым притоком добровольцев... Италия, после больших маневров, решила запастись новыми боевыми припасами на сумму в несколько миллиардов лир... Во Франции в большом количестве изготовляется новый вид танков и сделаны заказы на 500 военных аэропланов... Германия решила сделать некоторые важные нововведения в организации армии в связи с новейшими изменениями, внесенными в структуру армий соседних с нею государств... В России введена пятилетняя воинская повинность, происходят большие военные маневры и увеличивается количество строящихся аэропланов.

Турция приступила к возведению сильных укреплений на морском побережьи Смирны и Дарданелл... Румыния строит большие амуниционные заводы... Греция сделала заказы на большое количество винтовок и бомб... и т. д., и т. д. Ни размеры, ни темп этих «невинных» приготовлений, происходящих почти на глазах всего мира, не «производят впечатления» и не задерживают на себе внимания «грамотной» публики, привыкшей к более сильным ощущениям. Они — явления обыкновенного порядка и ничуть не мешают, конечно, представителям всех этих лихорадочно вооружающихся государств лицемерно говорить о разоружении, помирении, пактах, арбитражах и т.д. Это — просто правило международной вежливости.

Но если упомянутые нами «мелкие» и «незначительные» явления никем не замечаются и никого не тревожат, то на мутно-сером фоне их появились и появляются уже и более яркие пятна, предвещающие, как думаем мы, приближение и рост более грозных и более значительных явлений. В Марокко уже несколько месяцев продолжается кровопролитная война. По официальным правительственным сообщениям, французские войска потеряли в Марокко по 15 Окт. с.г. свыше 2.000 чел. убитыми и около 10.000 ранеными. В Сирии — согласно тому же сообщению — за два месяца погибло 585 чел. Цифры эти относятся только к французской армии. Не менее велики, вероятно, и потери испанцев, риффов и друзов. В Китае, где,— повидимому, не без воздействия некоторых заинтересованных государств,— властолюбивые генералы пытаются использовать начавшее пробуждаться, по случаю недавних событий, сознание широких народных масс, положение с каждым днем становится все более и более тревожным, грозя вылиться в кровавую международную войну, в которую могут быть втянуты и соседние с Китаем страны...

На Балканах что ни день то новые конфликты: то между Грецией и Италией, то — Сербией и Болгарией, то — Болгарией и Грецией... Последний Греко-Болгарский инцидент, который во-время и «миролюбиво» был передан на суд Лиги Наций, дал уже — «пока что»— несколько десятков убитых и свыше 10.000 новых беженцев, оставивших свои родные места и пожитки на разграбление солдатам... «Моссульский вопрос», решающийся вот уже втечение нескольких лет, чуть было не привел к кровавому столкновению между Англией и Турцией. Задетая резкой фразой, сорвавшейся с уст турецкого представителя, Англия, недолго думая, начала стягивать войска к Моссулу. Турция, конечно, поступила таким же образом... И не случись тут посторонних, неведомых нам соображений, конфликт этот добром бы не кончился... В военных сферах, как мы видим, настроение все время приподнятое: побежденные мечтают о реванше, победители — о новых победах. И значение этих «прискорбных случаев» тем более велико, что они возможны в момент, когда происходят беспрерывные международные конференции, с,езды, сессии;

когда заключаются пакты, договоры и соглашения; когда принимаются важные протоколы и произносятся торжественные речи на высокие темы о мирном сотрудничестве народов, полюбовном сожительстве соседей и т.п. прелестях. Разве не жестокой иронией звучат звонкие фразы и восторженное ликование буржуазной прессы по поводу небывалых и исключительных успехов Локарнской конференции наряду, хотя бы, с Греко-Болгарским столкновением? Разве не злой насмешкой над международным миром является *непризнание* недавно состоявшимся в Париже *Международным Конгрессом Мира*, за противниками войны, *права отказываться от военной службы*?.. Увы, приходится признать, что в вопросе о «помирении» далеко не все обстоит благополучно. В лучшем случае все эти официальные и торжественные речи, заявления, конференции и договоры суть не что иное, как обычная дипломатическая игра. В худшем же — под шумок их проходит та, скрытая от непосвященных, реальная политика международной империалистической буржуазии, которая в один прекрасный день, как громом небесным, разразится новой войной и новыми бедствиями над ничего не ведающими народами. Снова тогда жестокая война поглотит миллионы человеческих жертв; снова предаст она пожару и разорению города и деревни; снова вызовет она на поверхность самые низменные и порочные страсти людские; снова по широким долам и горам потянутся бескрайние вереницы «христолюбивого воинства» чтобы грабежом, убийствами и насилием устанавливать «мир на земле и в человецех благоволение»... И «мир» этот, конечно, наступит... Обескровленные и разоренные народы устанут от войны и их «вожди» примутся за свое старое, привычное дело дипломатических торгов и переторжек с тем, чтобы в нужный момент быть готовыми к новой, очередной человеческой бойне... Таков лик нашего *настоящего*. Таковы перспективы нашего ближайшего *будущего*. Какой-то заколдованный круг, в котором в беспорядке мечутся, незнающие из него выхода, беспомощные человеческие массы, возлагающие все свои надежды и упования на «мудрость» и «опытность» своих старых вожатых...

Но так ли это? Нет ли, действительно, выхода из этого круга? Действительно ли война есть нечто неизбежное, фатальное, роковое?.. Неужели мы так-таки и не попытаемся найти, наконец, решение этого проклятого вопроса, проломать, наконец, выход из этого положения? Неужели мы и впредь должны остаться равнодушными и безучастными зрителями того, что *нас самих* так кровно касается?

Г. С.

(Окончание следует).

РАЗВАЛ НЕМЕЦКОЙ КОМПАРТИИ

Письмо Коминтерна в Ц.К. немецкой компартии вызвало, как известно, очередной кризис в руководящих сферах партии. Руфь Фишер и Маслов, бывшие до сих пор официальными вождями партии, внезапно устранены со своих руководящих постов. Большинство партийных организаций об'явило себя солидарными с письмом Коминтерна и тем еще раз подтвердило, что немецкая компартия, как таковая, не существует, что она является лишь отделением советского правительства. Дело в том, что немецкая партия слишком мало содействовала тому, чтобы Германия сблизилась с Россией. Вождям ее ставится в укор, что они недостаточно сильно защищали национальные интересы России, позволяя чтобы Германия, расчитывавшая прежде на союз с Россией, обратилась теперь лицом к Антанте. Вожди партии обвиняются еще и в том, что они смели видеть и говорить о полном развале в партии в то время, когда Москва приказывала его не видеть и с ним не считаться. Но для нас интересно другое. Собственно главным моментом недовольства Москвы Руфью Фишер и Масловым есть проявляемая ими в последнее время непослушность выразившаяся в закулисных интригах против Москвы и в том еще, что Маслов выступил в печати с легкой критикой общепризнанных святых ленинских канонов. Интересно и поучительно до какого разложения может привести живой организм последовательная политика сверху вниз, полная централизация и слепое солдатское повинование масс лозунгам исходящим из центра.

Уже несколько лет, как немецкая партия потеряла свое собственное лицо. Она привыкла к тому, чтобы за нее думала и решала Москва. И поэтому у нее нет своей политики, нет своего отношения ко всем вопросам жизни, нет своего лица, есть только отражение того, что делается, думается и решается в центре. А так как это воздействие центра, т.е. Москвы, проводится в жизнь чисто механическим путем, вне всякой органической связи подлинных стремлений немецких рабочих масс с этой импортированной из Москвы тактикой, то совершенно естественно, что в партии царит полнейшее отсутствие собственной программы. А партия без собственной программы держаться не может. Она обречена на гибель. И если немецкая коммунистическая партия разлагается, то это есть не только следствие теперешнего положения Германии, но, прежде всего следствие этого полного отсутствия собственной идеологической и тактической программы, следствие доведенного до апогея бездушного централизма и механической деятельности сверху вниз, которые нашли себе среди вышколенного 50-летним марксистским опытом немецкого пролетариата в высшей степени благодарную почву.

Последним наивысшим выражением этой централизации явилась проводимая Руфь Фишер и Масловым т.н. большевизация, жертвами которой они же и пали. Что же говорила в сущности эта большевизация массам? Вы не должны ни думать, ни рассуждать. Это дело ваших вождей. Ваше дело быть послушными приказам сверху. Поступают ли ваши вожди хорошо, или плохо, судить не вам, а лишь вождям ваших вождей, т.е., Москве. И действительно все перемены в верхах немецкой компартии, как впрочем и в компартиях всех стран,

производятся не партийными массами, а центром — Москвой. Нечему удивляться после этого что массы, так воспитанные, позволяют московским политиканам крутить собою, как марионетками, и слепо принимают с тупым повиновением все исходящие из красной Мекки лозунги. А лозунги эти меняются каждые три месяца.

Возьмем например, отношение к профдвижению. На «партейтаге» в Галле было провозглашено, что «профсоюзы хуже «оргешевских» организаций». Теперь же проводится линия активного участия в профсоюзах и провозглашаются лозунги смычки с реформистами.

Возьмем другой пример, который не только вскрывает беспринципность немецких коммунистов, но еще ярко иллюстрирует ту жалкую роль какую призвана играть партия, подчиненная коминтерну. Мы говорим здесь о президентских выборах в Германии. Как известно, коммунисты выставлением своего кандидата Тэльмана допустили избрание Гинденбурга в президенты. Был ли это революционный жест?— Едва ли. О нем не могло быть и речи в то время, когда партийные верхи говорили о политике стабилизации. Дело в другом. В Москве надеялись, что Гинденбург, будучи избран в президенты не допустит до сближения Германии с Антантой, и тем самим создаст более благоприятную почву для Германско-русского сближения. Как видим, немецкая компартия и коминтерн были здесь просто использованы как орудия заграничной политики нэпманского государства. Вот где причина коминтерновских инструкций, что среди германского пролетариата следует проводить линию восточной, а не западной ориентации и что такая линия будто бы отвечает истинным интересам немецких трудящихся масс. Но это тихое заигрывание с монархистами не должно было долго держаться ибо оно повредило бы внутренней политике сближения с реформистскими массами. И поэтому, после избрания Гинденбурга пришла новая московская инструкция и тактика партии мгновенно переменилась.

Ясно что отказавшаяся от рев. программы партия, роль которой сводится лишь к защите заграничных интересов нэпманской России должна исчезнуть, или же вернуться к старой немецкой социал-демократии. Наблюдается одно и другое. Партия переживает полный банкрот. С одной стороны они из кожи лезут воп, чтобы сблизиться *как движение* с реформистами, с другой — массы тут же самостоятельно покидают их; количество членов партии постоянно уменьшается; при президентских выборах коммунисты теряют больше 2.000.000 голосов; колоссальный упадок влияния в профдвижении (на последнем профсоюзном конгрессе они вместо прежних 88 делегатов имели лишь только 2!) заканчивает картину разложения этой псевдо-революционной партии.

Мы уже указывали в «Деле Труда» что международное коммунистическое движение мчится на всех парах к тому источнику, из которого оно вышло и к которому оно неизбежно вследствие своей сущности, должно было вернуться, т.е. к марксистскому опортюнизму. Это как нельзя более, ярко иллюстрируется на примере той-же немецкой компартии. Последний ее десятый конгресс характеризуется крупным поворотом партии в сторону национализма и защиты интересов Германии, как государства. Делается это, понятно, во имя государственных соображений России. Эту линию защиты буржуазной Германии конгресс в большинстве своем принял. Смысл всего этого в том, что «в интересах Германии, *как государства*, лежит союз не с западом, Антантой, а с востоком Россией». Немецкая компартия должна была употребить все свое влияние, чтобы повлиять на западную ориентацию немецкой внешней политики. Последние политические события показывают, что эти усилия были бесплодны.

Распад компартии увеличивает значительно ряды немецкой соц.-демократии. На это повлияли два обстоятельства. Во первых, коммунистическое воспитание масс, которое ничем не отличалось от соц.-демократических методов воспитания. Во вторых, неумная тактика немецкой компартии. Несколько лет тому назад немецкая с.-д. партия могла быть вполне разбита. Орудием этого уничтожения могла быть, пользовавшаяся в свое время огромным влиянием т.н. партия независимых. Было время, когда никакой с.д. оратор не смел публично говорить в Берлине, боясь быть прогнанным «независимыми» и заклейменным названием ренегата. «Независимые» имели и возможномсть и силы уничтожить мертвецкую традицию немецкой соц.демократии. Но тут вмешалась непродуманная тактика коммунистов. Партия независимых была разбита коммунистами. Часть ее вернулась к соц. дем., другая же часть ушла к большевикам. Так была разбита единственная до сих пор возможность уничтожения нем. соц. дем. партии.

Вот к какому незавидному положению привели немецкую компартию московские методы централизации. Но мы были бы несправедливы, не указав и на левую оппозицию, которая выступила на 10 конгрессе против этой постыдной для революционеров политики и тактики соглашения с буржуазией.

Оппозиция эта стоит на той точке зрения, что немецкий пролетариат есть прежде всего немецкий пролетариат — не в смысле национальном, а в том смысле, что его прямой революционной и классовой обязанностью есть борьба с германской буржуазией и что соглашение с нею есть акт предательства. Делаемое Коминтерном отождествление интересов *германского революционного пролетариата* с интеремсами *Германии, как государства*, дабы оторвать ее (капит. Германию) от Антанты и сблизить с Россией, оценивается оппозицией не только как неправильная классовая тактика, но еще как акт полного идейного и морального банкротства. Отсюда логически вытекает борьба с Коминтерном. Как далеко пойдет влево эта оппозиция покажет будущее.

Кроме этой оппозиции существует еще, как известно, в Германии т.н. К.А.П.Д. (Kommunistische Arbeiter Partei Deutschlands) ведущая борьбу с компартией (К.П.Д.). Лозунги ее левее коминтерновских, но неясны и неопределенны.

Кроме этой — существвует еще одна левая группировка, стоящая на точке зрения русской Мясниковской «рабочей группы» и борющаяся с разлагающим влиянием Коминтерна и «партейбонцев.»

Радикальнее этих левых оппозиций является т.н. А.А.У.Э. (Allgemeine Arbeiter-Union-Einheitsfront) тоже детище немецких коммунистов, или, как они себя называют, наследники идеологии «Спартакуса». Они подошли уже ближе всех к анархизму, борются с государством, с централизацией, стоят за федерализм и за безвластие, но у некоторых из них есть еще известные марксистские закваски. В то время как одни (преимущественно пролетарский элемент, группирующийся вокруг органа «Proletarischer Zeitgeist») подходят вплотную к анархизму и анархической идеологии, другие («Einheitsfront») болтают еще о «действительной диктатуре трудящихся» и т.д. Как согласовать диктатуру с безвластием и федерализмом известно лишь одним им.

Всякая левая коммунистическая оппозиция должна логически, так или иначе, прийти к анархизму. Все эти оппозиционные группы, барахтающиеся между большевизмом и анархизмом и не могущие решительно и твердо примкнуть ни к одному, ни к другому из этих течений раздробляют только рабочее движение. Желающие бороться с централизмом, с бюрократизмом и с действием сверху вниз, должны стать в ряды тех, кто последовательно и решительно борется за федерализм, за свободу и за массовое действие снизу вверх, т.е. в ряды анархистов. Между большевизмом и анархизмом средняго пути нет.

В.

ПИСЬМО ИЗ ХАРБИНА.

Дорогие товарищи,

NN 1 и 2 журнала «Дело Труда» получили, очень рады, что он у Вас издается. В дальнейшем не отказывайте посылать. При возможности будем поддерживать, как можно; кроме того сами не имеем специальных для того средств.

Шлем привет всей Вашей группе, надеемся, что Вы будете с нами поддерживать постоянную связь.

Новенького особенного у нас ничего нет, за исключением проезда «товарища» Карахана.

Состоя членами союза Строительных Рабочих, некоторые из нас имели возможность быть на банкете, устроенном профсоюзами в г. Харбине 30-го Августа в честь посла Карахана.

Считаем не лишним отметить, что встреча и проводы сопровождались помпезностью, не снившеюся членам царской семьи, и что один только наш «пролетарский» банкет, устроенный в клубе при главных механических мастерских Кит.-Вост. ж. д. стоил 2000 мексиканских долларов, а вся встреча и проводы около 50.000 дол. и это в то время, когда рабочие, кроме служащих К.В.Д. задыхаются от безработицы и стонут от вытекающих отсюда последствий.

Кучка «избранных»—«цветов» пролетарской революции молча, пропитанная солидарностью молчания и плодами завоеваний революции, под шум вылетавших пробок поглащала в изобилии расставленную на столах снедь.

Ели и пили, пили и ели. Тишь, да гладь, да «пролетарская» благодать...

Тишина банкета была противна до тошноты.

Потом произносились ненужные, нудные тосты. Неожиданно, как гром на безоблачном небе, прорезала атмосферу пресмыкательства речь одного рабочего Коновалова, выступившего с следующим заявлением.

«Тов. Карахан, меня уполномочила та часть революционных рабочих с анархо-синдикалистами во главе, которая в силу создавшегося положения прекратила совместную работу с большевиками, передать Вам, чтобы Вы по приезде Вашем в Москву настаивали перед Центральным Исполнительным Комитетом об освобождении из тюрем С.С.С.Р. всех политических заключенных, принимавших участие в завоеваниях Революции.

Эта часть революционных рабочих требует немедленного освобождения их из мест ссылок и каторг, созданных большевиками.

Да здравствуют свободные советы!»

В ответ были рукоплескания. Карахан промолчал.

Продажная газета «Новости жизни» в отчете о банкете в N 192 от 1-го Сентября поместила следующее: «Какой-то эс-эр, неизвестными путями попавшийся сюда, пытался омрачить празднество неуместным выступлением от имени рабочей демократии, но абсолютно не встретил сочувствия. Он был совершенно одинок. Несколько свистков охладили пыл, и он затерялся в массу».

Подобный наглый газетный выпад страшно возмутил нашу группу, так как нам известно, что т. Коновалов не проник на банкет, а, состоя членом профсоюза, был приглашен официально по билету.

А пока желаем Вам всего найлучшаго и остаемся с товарищеским приветом,

Дальне-Восточная Федерация Анархических групп.

Харбин, 13 Сентября 1925 г.

ЯПОНИЯ.

Кютаро Вада, ученик знаменитого анархиста Осуги, варварски убитого в 1923 г. предстал вместе с 3 товарищами перед судом в Токио. Наши товарищи обвинены в покушении на жизнь генерала Фукуды. Вада заявил, что желал убить ген. Фукуду, как главного подстрекателя и виновника убийства Осуги. Обвинение считает, что покушение Вады и тов. было маленьким звеном широко задуманного плана переворота японских анархистов. Один из обвиняемых товарищей Фурута задумал один уничтожит полицейский участок в Тема, где сидели его арестованые товарищи, но вследствие ареста Вады, которого считают душою заговора, это ему не удалось.

Три дня после покушения на ген. Фукуду его дочь получила от неизвестных анархистов пакет полный взрывчатых материалов. У тов. Фуруты в квартире при аресте нашли 15 бомб и много динамита. Такова во всяком случае версия полиции. Сколько в этом правды нам покамест неизвестно.

ПРОФДВИЖЕНИЕ В ЯПОНИИ.

О размерах и состоянии японского рабочего движения до сего времени получались из социалистических и коммунистических источников различные противоречивые сведения. Между тем, движение это настолько развилось за последние годы, что вызывает к себе всеобщий интерес. Дабы яснее разобраться в состоянии этого движения, мы обратились за раз,яснениями к нашим товарищам в Японии,. Из полученных сообщений видно, что все ходячие до сих пор данные о японском профдвижении ближе к фантазии, чем к действительности. Публикуем выдержки из письма нашего товарища Ямага.

В Японии существуют теперь следующие организации:

Профсоюз механиков .... 4000 членов

Федерация профсоюзов индустрии Токио (анархическая) .... 3000 «

Проф. организация Шибаура (анархическая) .... 2000 «

Федерация индустр. рабочих (независимая) .... 7000 «

Восточная профессиональная федерация (анархическая) .... 700 «

Профсоюз трамвайных рабочих (независимый) .... 10.000 «

Профсоюз городских электр. фабрик (независимый) .... 1000 «

Профсоюз строительных рабочих (независимый) .... 500 «

Свободная рабочая федерация (анархическая) .... 1000 «

Всеобщий профессиональный союз Японии (реформистский).

Профсоюз судостроительных рабочих (реформистский).

Об'единение кореанских рабочих Токио (анархическое).

Последние три организации не опубликовали числа своих членов. В заграничных газетах говорится будто бы Всеобщий прфессиональный союз насчитывал 250.000 членов. Эти 250.000 существуют лишь только в фантазии реформистских писателей. Точное число членов этого союза неизвестно, ибо оно не публикуется, но приблизительно союз этот насчитывает около 20.000 членов.

Во Всеобщем Профессиональном Союзе теперь происходит борьба за власть между социал-демократами и коммунистами. Следует считаться даже с возможностью раскола. Теперешнее управление реформистское и борется с коммунистическим влиянием путем исключения активных коммунистов.

Всеобщий Профессиональный Союз находится теперь в стадии распада, от которого ничто уже не может его спасти.

Токио *Ямага.*

(Из Бюл. М.Т.Р.).

МИЛИТАРИЗМ СОВ. ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Во всех государствах сущность милитаризма одна и та же. Советское правительство не есть исключение. Наркомвоен Фрунзе в своем докладе на закавкасском советском с'езде сообщил о силе красной Армии. В Красной Армии 562.000 человек, военно обуенных и хорошо экипированных. Много внимания уделяется военному обучению молодежи перед вступлением в ряды армии. Каждый красноармеец стоит государству 750 руб. в год. При количестве 562.000 красноармейцев получается сумма в 421.500.000 р. Если бы эти деньги употребить на культурные цели или же на уменьшение нужд раб. класса, то можно было бы большое дело сделать. Фрунзе не забыл также упомянуть об огромных деньгах затрачиваемых ежегодно на чекистские формации. Если присоединить эти деньги к вышеупомянутым, то получим огромную сумму расходуемую на милитаризацию красной республики. Необыкновенно интересно сообщение Фрунзе о том, что Совправительство собирается издать декрет об общей воинской повинностм. Притом нетрудовое, эксплуатирующее чужой труд, население в чисто военные отряды, по этому закону, призванно не будет. Зато оно будет привлечено к хозяйственным работам. За эту привиллегию оно будет платить особую налоговую подать.

Если этот закон примется — в чем нельзя сомневаться — то получим новую « классовую » воинскую повинность. Рабочие должны будут отдать свою кровь и тело для святого дела защиты « Родины », а ничего не производящие элементы будут за деньги освобождены от повинности стать пушечным мясом. Такого бесстыдного цинизма даже в буржуазных странах трудно найти. Напрашивается вопрос: чем не фашизм, чем не капитализм самой худшей марки?

(Из бюллетеня М. Т. Р. Май 1925 г.)

ОТЧЕТ

Гр. Рус. Анарх. Заграницей с 25.8 по 21.10 - 1925 г.

ПРИХОД: Переходная сумма на 25.8.925 г. - 109фр.40с От С О.А.С.А. — 100 долл; от тов. Берк. для закл. — 10 шил.; от Ю-на — 5 фр.; от Семенова — 20 фр.; чл. взн. — 165 фр.; выручено за литерат.— 77 фр.55 с.

Всего — 100 долл., 10 шил., 376 фр. 95 с.

От размена 85 дол. = 1813 фр. 75 с.

Всего прихода — 15 дол., 10 шил. и 2190 фр. 70 с.

РАСХОД: «Д. Т.» NN 3-й (остат.), 4-ый и 5-ый (печать и экспедиция) — 2033 фр. 30 с.; заключ. в Польшу — 10 шил.; заключ. в России — 10 долл; т-щу В-ну — 5 дол.; пересылка денег — 18 фр. 50 с.; корреспонд. и др — 80 фр. 45 с. Всего расхода — 10 шил., 15 долл. и 2132 фр. 25 с.

ПРИХОД — 15 долл., 10 шил. и 2190 фр. 70 с.
РАСХОД — 15 долл., 10 шил. и 2132 фр. 25 с.
ОСТАТОК на 22. X. 925 г. — 57 фр. 45 с.

Le Gérant: Jules CHAZANOFF

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange - Paris